

нии фольклора» («The Part of the Folk in the Making of Folklore»). Люис доказывал, что народ не принимал никакого участия в творческой работе, в создании фольклора. Раглан подчеркивает, что в настоящее время этот вывод ему представляется «вполне обоснованным», и считает необходимым в данный момент опровергнуть предрассудок (superstition) о том, что народ был создателем фольклора. На эти опровержения ученого лорда вдохновила книга его французского коллеги проф. Альберта Дозá (Albert Dauzat) «Деревня и крестьянин Франции» («Le village et le paysan de France»). В исследователе Дозá Раглан видит своего союзника — Дозá, как и Люис, утверждает, что большая часть элементов крестьянской культуры принесена в деревню из Парижа и провинциальных городов (повидимому, тоже в результате западывающей из-за некультурности деревни «парижской моды»). Характеризуя типы построек, распространенные в различных провинциях Франции, Дозá в своей книге заявляет, что строительные материалы и типы построек не зависят от тех или иных географических и экономических условий, а обусловлены влиянием городской цивилизации.

Полностью одобряя взгляды проф. Альберта Дозá, лорд Раглан весьма недоброжелен другим исследователем-французом — Сесилем Шарп (Cecil Sharp). Сесиль Шарп утверждает тезис об оригинальности народных мелодий. В докладе, прочитанном на заседании Фольклорного общества (Folk-Lore Society) в 1908 г., Шарп изложил две теории народного песенного творчества. Первая из них отрицает своеобразие народной песни и доказывает, что она не народна по своему происхождению, вторая подчеркивает своеобразие двух видов музыкального искусства и признает безусловную оригинальность народной музыки. Шарп стоит на позициях второй теории и близок по своим взглядам к английскому фольклористу Dupleley Hussey, который считает, что народные мелодии являются спонтанным выражением музыкального чувства народа. Лорд Раглан, излагая взгляды Dupleley Hussey и Сесилия Шарпа, возмущается тем, что опровергаемое им утверждение о создании произведений искусства народом поддерживается некоторыми музыковедами. Раглан для подкрепления и обоснования своего возмущения «невежеством» исследователей обращается за помощью к тому же Дозá и сообщает, что Дозá выводил большую часть песен из Парижа. От себя Раглан добавляет, что иначе и быть не может, — ведь городские английские песни, «Girregary», «Roll out the Barrel» популярны в крестьянской среде; это, по его мнению, доказывает, что песни, популярные в верхушке феодального общества, при дворе, спустились оттуда в деревню.

Аналогично лорд Раглан расправляется и с народными танцами. Раглан считает общепризнанным, что танцы, которые в настоящее время носят название народных, исполнялись в прошлом в придворной среде. Предполагать, говорит Раглан, что умелые танцоры могли учиться новым движениям у «деревенщины» (yokel), так же абсурдно, как предполагать, что профессора могут обращаться к ученикам четвертого класса за новыми идеями для своих книг.

В том же духе лорд Раглан высказался в этом докладе на ученом заседании в Англии в 1947 г. о народных пословицах, народной одежде, народной медицине. Во всем звучала «старая погудка на новый лад».

Считая порочной даже постановку вопроса о народности и коллективности творчества, Раглан заявил, что попытка некоторых ученых представить народную культуру, народное искусство в их своеобразии, а не отражением культуры господствующих классов, является «ненаучным», «субъективным» предположением отдельных фольклористов. По его концепции, центрами средневековой деревни были помещичий дом и церковь; музыканты, певцы, актеры помещиков, церковные певцы были проводниками художественной культуры, переносили ее в деревню. Не было и не могло быть самостоятельного крестьянского искусства! — патетически твердит титулованный «ученый муж». Его, заявляет он, не могло быть потому, что хорошее, полноценное искусство всегда является результатом усиленной работы, — народ же к этому, по мнению Раглана, не способен.

До подобного низиума утверждений можно было докатиться только ненавистью, боясь и презирая трудовой народ. Такое отношение к своему народу и к народу других стран характерно для лорда Раглана — типичного представителя реакционной англо-американской буржуазии.

В. Чичеров, Н. Эмиш

НАРОДЫ СССР

Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, Изд-во АН СССР, 1948, 732 стр.

Развитие ремесла в древней Руси до недавнего времени было изучено нашей исторической наукой лишь в небольшой степени. Единственная, специально посвященная этой важной проблеме монография — книга Н. Аристова «Промышленность древней Руси» — вышла почти сто лет назад, в 1866 г. Нужно ли говорить, что она давно и безнадежно устарела как по своей методологии, так и по характеру фак-

тических материалов, из которых исходил автор? Выходившие с тех пор отдельные статьи и главы в общих работах, посвященных экономике древней Руси, ставя и разрешая иногда очень важные частные вопросы, не могли, разумеется, охватить проблемы в целом.

То обстоятельство, что древнерусское ремесло оставалось мало изученным, несмотря на то, что историческая наука в России прошла (в особенности за последние два столетия) огромный путь, находит себе объяснение в общей направленности русской досоветской исторической науки. С легкой руки некоторых историков, занимавшихся историей России в начале XVIII в., установилось мнение о том, что роль самого русского народа в историческом процессе создания русского государства была пассивной, что не только «начала государственности», но и основные производственные навыки, а следовательно, — и культурные ценности — не были созданы самим русским народом, но были привнесены на Русь извне. Население древней Руси представлялось историками в виде каких-то бродячих полудикарей, не знавших долгое время ни земледелия, ни ремесла, перемещавшихся в поисках пропитания из одного района обширной русской равнины в другой, добывая средства к существованию охотой, бортничеством и изредка беспокоя своих «культурных» соседей грабительскими набегами. В том или ином виде этот взгляд на историю русского народа мы находим у подавляющего большинства буржуазных русских ученых, среди которых были и такие крупные исследователи, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др. Нет ничего удивительного в том, что при такой общей установке исследователей они не обращали должного внимания на изучение русского ремесла. Между тем изучение письменных, а позднее и археологических источников привело к накоплению большого материала, свидетельствующего против такой предвзятой точки зрения. И С. М. Соловьеву и еще в большей мере В. О. Ключевскому, конечно, было прекрасно известно, что Русь совсем не была такой дикой страной, какой она представлялась их предшественникам, что на Руси существовало множество больших городов, да и сельское население находилось не на таком плачевно низком уровне развития. Однако эти известные им факты они освещали неправильно. В. О. Ключевский объяснял развитие городов исключительно транзитной торговлей и, перенося существовавшие в его время капиталистические отношения в далекое прошлое, объявил, например, новгородских бояр капиталистами. М. Н. Покровский, считавший себя марксистом, по сути дела лишь несколько видоизменял основные положения своего учителя В. О. Ключевского и, развивая его концепцию, «сконструировал» для древней Руси пресловутый «торговый капитализм». Как в общих курсах русской истории, так и при разработке частных исторических проблем не было и не могло быть правильного освещения накопившегося обильного фактического материала до тех пор, пока исследователи искали причин исторических закономерностей в сфере обращения, а не в сфере производства.

Общая установка историков приводила к недостаточно внимательному изучению основ древнерусской экономики — сельского хозяйства и ремесла, а недостаточная изученность этих вопросов порождала в свою очередь порочные исторические концепции. Для объяснения происхождения прекрасных, высокохудожественных образцов продукции русских ремесленников, сохранившихся в наших древлехранилищах или найденных при археологических раскопках, прибегали к искусственно притянутой «теории», согласно которой все лучшие вещи либо были привезены к нам из-за границы, либо принадлежали иноземцам-завоевателям, либо, наконец, хотя и были сделаны русскими мастерами (это признавалось с величайшей неохотой и почти исключительно в тех случаях, когда имелись прямые указания на русское имя мастера), но отражали опять-таки чужеземное влияние, так как мастера эти были якобы только робкими и неумелыми учениками иноземцев. Было бы, конечно, неправильно говорить, что все исследователи стояли на такой позиции. Но и те из них, которые, как И. Е. Забелин, своими работами доказывали самобытность русского ремесла, не будучи марксистами, не могли создать концепции, которая могла бы быть успешно противопоставлена изложенным выше положениям большинства их современников.

Только последовательное применение в исторических исследованиях марксистско-ленинской методологии могло помочь преодолеть порочные концепции буржуазных ученых, направить работы историков на правильный путь и, превратив историю в науку точную, выяснить действительное состояние древнерусской экономики и закономерности ее развития. Результаты этой работы мы видим в вышедших в последние годы и удостоенных Сталинской премии трудах советских ученых историков. Один из таких трудов, посвященный истории развития русского ремесла это — книга проф. Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

«Ремесло древней Руси» является результатом многолетнего упорного и кропотливого труда. Автор изучил огромный археологический материал, сопоставил его с рядом письменных источников, дополнил этнографическими наблюдениями и критически переработанными данными имеющейся литературы. В результате получилась яркая картина развития ремесла в древней Руси, убедительно доказывающая, что еще в древнейший период ремесло было важнейшей частью «того хозяйственного фундамента, на котором строилась блестящая культура Киевской Руси, а впоследствии создавалось русское национальное государство» (стр. 3).

Исходя из основного положения В. И. Ленина о том, что «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е.

производство изделий по заказу потребителя...¹» и что, «будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространено в значительной степени и в деревне,—служа дополнением крестьянского хозяйства»². Б. А. Рыбаков подверг рассмотрению не только материалы, связанные с историей древнерусского города, но не менее тщательно исследовал и источники, относящиеся к деревне, в результате чего ему удалось выявить и описать различные стадии развития городского и сельского ремесла. Полученные в итоге этой колоссальной работы, в процессе которой были учтены все исследования советских археологов в области древней Руси, выводы оказались, как и следовало ожидать, чрезвычайно важными не только для ряда частных проблем, не только для проблемы изучения древнерусских ремесел, но и для русской истории в целом. Уже сам по себе основной вывод Б. А. Рыбакова о высоком развитии древнерусского ремесла имеет колоссальное значение в деле борьбы с пережитками укоренившихся в буржуазной русской и особенно в зарубежной исторической науке порочных взглядов, о которых говорилось выше. Сделать эти выводы Б. А. Рыбакову позволила марксистско-ленинская методология.

Особого внимания заслуживает чрезвычайно тонко разработанная автором методика работы. Привлекая для разрешения поставленных перед собой задач поистине огромный археологический материал наших музеев, Б. А. Рыбаков сумел восстановить на основании кропотливого анализа многих тысяч вещей все детали техники их производства. Он исходил при этом не только из небольшого сравнительно числа сохранившихся от тех отдаленных времен инструментов и остатков производственных сооружений (гончарных и металлургических печей, мастерских сапожников, каменщиков, ювелиров и т. п.), но главным образом из анализа тех следов, которые производственный процесс оставлял на самой вещи, созданной в его результате. Этот метод сам по себе не нов. Археологи давно научились на основании подобного рода признаков определять основные черты процесса производства. Так, например, посуда, изготовленная на гончарном круге, легко отличалась от лепной. Но Б. А. Рыбакову принадлежит честь разработки методики, которая позволила не только делать сравнительно грубые определения, но с документальной точностью находить вещи тождественные, изготовленные в одной литейной форме, одним мастером. Скрупулезная работа по детальному сличению сотен и даже тысяч сходных предметов привела к тому, что Б. А. Рыбакову удалось, пользуясь признаками, на первый взгляд незначительными,—отражением на готовой вещи дефекта литейной формы или дефекта инструмента мастера или, наконец, едва заметной особенности восковой модели, по которой сделана форма для вещи,—выявить комплексы вещей, сделанных в одной мастерской. Для этого требовалось проделать чрезвычайно трудоемкую работу. Так, для изучения одних только семилопастных височных колец, являющихся характерной частью племенного женского наряда славян — вятичей, автору пришлось сделать для 483 экземпляров колец 116 403 сопоставления (стр. 29).

Этот метод сопоставления или, как он сам называет,—метод тождественности (стр. 30) — Б. А. Рыбаков сочетал с широким применением картографирования. Если метод тождественности позволил ему найти вещи, сделанные одним мастером в один сравнительно короткий отрезок времени, то картографирование археологических данных дало еще более интересные результаты, развившие успех, достигнутый при помощи первого метода. Так, картограммы производственного сырья показали важность для развития русского ремесла болотных, озерных и дерновых железных руд, запасы которых были на Руси во многих местах (стр. 39) и имели большое значение для железнорудного производства, что совершенно не учитывалось прежними исследователями, отрицавшими наличие местного сырья (стр. 123). Картографирование находок вещей, сделанных одним мастером, позволило выявить районы сбыта продукции деревенских и городских ремесленников (стр. 461) и показать, что если деревенские ремесленники обслуживали сравнительно небольшой замкнутый район, включавший лишь несколько соседних селений, и работали в большинстве случаев на заказ, то городские ремесленники уже в XI—XIII вв. обслуживали своими изделиями пункты, отстоящие друг от друга на сотни, а иногда — на тысячи километров, и работали уже не на заказ, а на широкий рынок (стр. 446, 460). Картографирование распространения шиферных пряслиц, стеклянных браслетов и некоторых других вещей позволило Б. А. Рыбакову не только подтвердить новыми данными высказанное ранее Оссовским предположение о распространении изделий из розового шифера по всей Руси из одного небольшого района (Овруча на Волыни), где имелись залежи этого материала, но и проследить пути корабейников, разнесших эти пряслища вместе со стеклянными браслетами и некоторыми другими предметами женского домашнего обихода. Наметились и пути экспорта шиферных пряслиц в Волжскую Болгарию и Западную Европу (стр. 125, 469). Так, при помощи методов тождественности и картографирования Б. А. Рыбаков дал ряд блестящих иллюстраций к известному положению Б. И. Ленина о сети «мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничанием и массой средневековых перегородок между ними»³, и наряду

¹ Ленин, Соч., 4-е изд., т. III, стр. 285—286.

² Там же, стр. 286.

³ Там же, стр. 331.

с этим показать, как в силу тех или иных конкретных исторических обстоятельств отдельные категории вещей могли иметь очень широкое распространение.

Работа Б. А. Рыбакова построена на привлечении в широком масштабе не только письменных и вещественных источников, но и данных этнографических. Техника и социальная организация кустарной промышленности была тщательно изучена автором и это помогло ему расшифровать археологические материалы. Таковы, например, этнографические данные о совместном соседском владении гончарным горном и об устройстве современных горнов, которые помогли объяснить конструкцию древнерусского горна, раскопанного Б. А. Рыбаковым во Вщиже, и факт нахождения в нем посуды, сделанной различными мастерами (стр. 342—351, 364). Автор широко привлекает для иллюстрации своих положений диалектологический и фольклорный материал — наименования тех или иных терминов в различных славянских языках, некоторые поверья и быльины (стр. 27). Так, сочетание фольклорных материалов — легенд о кузнецах-богатырях, сведений о празднике в честь Кузьмы и Демьяна с данными о постройке и бытовании церкви Кузьмы и Демьяна в кузнечных слободах (стр. 748—760) позволяет Б. А. Рыбакову сделать далеко идущий вывод об организации ремесленников-кузнецов.

Мы видим, таким образом, что труд Б. А. Рыбакова создан на основе марксистско-ленинской методологии, что он суммирует все достижения, которые сделаны за последнее время в различных отраслях советской исторической науки и прежде всего многочисленные исследования самого автора.

Хронологические рамки, охватываемые книгой, чрезвычайно широки. Б. А. Рыбаков начинает свое исследование с истории развития технических навыков в начале нашей эры и, рассмотрев довольно скудный и мало до него разработанный археологический материал того времени, приходит к выводу, что уже в IV в. н. э. можно говорить о выделении у восточных славян специалистов-ремесленников. Попутно он убедительно доказывает несостоятельность господствовавшей ранее теории, приписывавшей распространение на юге России целого ряда вещей культурному влиянию готов, которые якобы стояли на более высоком уровне, чем славяне. Анализ так называемых «пальчатых» фибул с выемчатыми эмальями, приписывавшихся ранее готам, и ряда других вещей, привел Б. А. Рыбакова к выводу, что «готский мир Южного Крыма не имел никакого соответствия в античных краях» (стр. 66), что вещи, приписываемые готам, были продукцией ремесленников славян — венедов (стр. 70). Так, скрупулезный анализ археологического материала, выявивший технику производства ряда вещей, помог опровергнуть чрезвычайно вредную «теорию» о готском влиянии на славян, за которую столь упорно хватались фашиствующие «историки», видевшие здесь всемирно-историческую роль «высшей расы».

Так же попутно автор делает ряд чрезвычайно ценных частных историко-этнографических наблюдений. Например, анализ мартыновского клада (VI в.) и сопоставление его с рядом более поздних находок подтверждают глубокую древность некоторых элементов мужской одежды: «Рубаха с широкой вышитой вставкой является характерной для населения Приднепровья на протяжении нескольких столетий» (стр. 82—83).

Изучение раннего периода в истории ремесла древней Руси (до IX в.) Б. А. Рыбаков завершает чрезвычайно важным для всей нашей исторической науки выводом о том, что расцвет русской культуры в эпоху Киевской Руси был подготовлен всем процессом развития местного ремесла в течение предшествующих нескольких столетий: «Никакого перелома в развитии культуры (и, в частности, ремесла) в связи с появлением варяжских отрядов в Приднепровье не произошло» (стр. 115). Это положение Б. А. Рыбакова наносит еще один удар норманистским концепциям, о вреде которых достаточно уже сказано в нашей литературе.

Рассматривая затем период IX—XIII вв., Б. А. Рыбаков вполне справедливо отделяет деревенское ремесло от городского. Археологический материал позволяет ему выделить не только изделия, изготовленные деревенскими и городскими ремесленниками, но и установить, что проникновение изделий городского ремесла в деревню связано прежде всего с наличием в деревнях представителей «молодшей» дружины (стр. 21). Особого внимания в разделе деревенского ремесла заслуживает разбор Б. А. Рыбаковым процесса варки железа. Материалы археологических раскопок служат ему для выяснения конструкции печей для варки железа и восстановления технологии производства, а анализ фольклорных материалов (в частности, Калевалы) (стр. 126) позволяет установить распределение процесса варки железа и обработки его по временам года. Сочетание использования археологических и этнографических материалов мы видим и в блестящем анализе техники производства различных кузнечных изделий и применения различных инструментов (стр. 135—138).

На основе рассмотрения процесса производства тех или иных видов изделий Б. А. Рыбаков в ряде случаев дает своеобразные перечни признаков, по которым можно на готовых изделиях определить следы производственного процесса, в результате которого получена данная вещь. Так, на стр. 157—158 он перечисляет признаки на готовых литых изделиях, позволяющие определить технику литья, на стр. 160 — признаки, которые оставляют на чеканных изделиях инструменты чеканщика — пуансоны, зубчатые колесики и т. п., на стр. 212—217 — следы обработки зубилом, напильником и т. д., на стр. 169—170 признаки изготовления сосуда на

ручном (легкого или тяжелого типа) и на ножном гончарном круге. Такого рода перечни чрезвычайно ценны для практической работы археологов и этнографов. Особенно следует отметить то, что Б. А. Рыбаков сумел выделить признаки, характерные для сосудов, изготовленных на ручном круге тяжелого типа (стр. 169). Предшественники его в исследовании этого вопроса, в том числе и М. В. Воеводский, отмечая по этнографическим материалам эту переходную форму гончарного круга, не могли, однако, указать признаки, по которым археолог мог бы установить бытование такого круга тяжелого типа в древности. Точно так же большое значение для практической работы археологов имеет составленный Б. А. Рыбаковым каталог гончарных клейм, выдержки из которого сведены им в таблицу на стр. 179 и убедительно доказывают наследственность гончарного ремесла.

Центральной главой «Ремесла древней Руси» как по объему (231 стр., т. е. около 30% всей книги), так и по значению является глава III, посвященная городскому ремеслу IX—XIII вв. Здесь рассмотрены кузнечно-слесарное и оружейное дело, обработка меди, серебра и золота, литейное дело,ковка и чеканка, тиснение и штамповка серебра и золота, чернь, позолота и инкрустация, филигрань и зернь, волочение проволоки, эмаль, гончарное дело, производство стекла, кожевенное производство, ткачество и портняжничество, обработка дерева и кости, обработка камня и художественная резьба, строительное дело и, наконец, переписка, иллюстрация и отделка книг. Уже из одного перечня производств, рассмотренных в этой главе, явствует, что автор постарался охватить все стороны жизни древнерусского города, отраженные в продукции его ремесленного населения. Буквально в каждом разделе главы мы встречаем не только детальное рассмотрение соответствующего процесса производства, но и вытекающие из этого важные исторические выводы. Так, на стр. 232—234 Б. А. Рыбаков выделяет из русских курганных древностей шлемы и кольчуги русской работы и делает вывод, что уже в IX—X вв. кольчуги русских воинов были в основном не привозные с Востока, а местного производства. Так устанавливается присритет русских бронников перед их западноевропейскими собратьями. Аналогичный вывод делает Б. А. Рыбаков и из анализа техники золочения, применявшейся древнерусскими ювелирами, которые «обогнали своих цареградских, итальянских и рейнских современников, создав новый вид техники золочения» (стр. 330).

Особый интерес представляет вопрос о так называемых имитационных формах. Автор выделяет большую группу вещей, до мельчайших деталей схожих с другими такими же вещами, но гораздо более грубых, и устанавливает, что вещи эти отлиты в особых формах, предназначенных для воспроизведения путем простого литья тончайших ювелирных приемов, например, тиснения, скани, зерни. Он устанавливает далее путем картографирования находок, что такого рода формы применялись мастерами, жившими в ремесленном районе Киева на Фроловской горе, а изготовленные в них вещи шли на широкий рынок. Верхушка же киевского общества не употребляла этого рода сравнительно дешевых изделий, пользуясь дорогими вещами с подлинной сканью, зернью и т. п. «Появление имитационных форм,— пишет Б. А. Рыбаков,— знаменует интересный перелом в истории ремесла — одновременное существование двух технических систем» (стр. 271), одна из которых, пользуясь сравнительно дешевыми инструментами, путем кропотливой работы создает дорогие стоящие шедевры ювелирного искусства, другая же, изготовляя чрезвычайно сложные формы для имитации этих шедевров, создает потом с большой легкостью несколько худшие по качеству дешевые вещи, в точности подражающие первым. «Центр тяжести переносится на изготовление оборудования мастерской, на производство средств производства» (стр. 271).

В новгородской софийской ризнице хранятся два чрезвычайно схожих чеканных сосуда — кратиры с подписями сделавших их мастеров Косты и Братылы на днищах. Ранее считалось, что оба кратира сделаны для одного лица — новгородского посадника Петрилы Микульича и примерно в одно время. Б. А. Рыбаков после детального анализа обоих сосудов с документальной точностью установил, что только один из них (с подписью мастера Братылы) мог действительно принадлежать этому посаднику и был сделан в конце XI — начале XII в. Другой же сосуд (с подписью мастера Косты) был сделан почти на целое столетие позднее в подражание первому. Этот факт позволяет Б. А. Рыбакову выдвинуть чрезвычайно плодотворную гипотезу — не является ли второй сосуд «урочным изделием», изготовленным на получение звания мастера, как это было в обычае в городах с развитым цеховым строем (стр. 299)?

Блестящий анализ техники изготовления перегородчатых эмалей (стр. 374—397) опровергает тенденциозное толкование буржуазным русским ученым Кондаковым русских эмалей лишь как огрубленного варианта греческого мастерства. Б. А. Рыбаков приводит слова современника киевских мастеров, некоего Теофила, автора специального трактата о ремеслах: «Если ты внимательно изучишь (трактат.— М. Р.), то поймешь тогда..., что в тщательности эмалей и в разнообразии черни открыла Руссия» (стр. 393).

Так, шаг за шагом раскрывая высокий уровень развития ремесла в Киевской Руси, Б. А. Рыбаков констатирует, что «культура русских княжеств XII—XIII вв. предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блестящей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику» (стр. 432). В противовес господ-

ствовавшим в буржуазной науке представлениям о том, что все вещи сколько-нибудь хорошей работы не являлись произведениями русских ремесленников, но были завезены на Русь из Византии или «более культурных» стран Запада. Б. А. Рыбаков устанавливает не только факт экспорта изделий русского ремесла в Швецию, славянские страны Запада (Польшу, Чехию, Польшу и т. п.) и даже в Византию, где, например, русскую резьбу по кости сравнивали с умением легендарного Дедала (стр. 474—475), но прослеживает даже пути, по которым шла экспортная торговля.

Особая глава «Ремесла древней Руси» посвящена выяснению категорий ремесленников Киевской Руси — сельских, вотчинных, монастырских, городских — и роли последних в жизни древнерусского города. Указав на данные раскопок многих русских городов, для которых «характерно то, что почти каждый городской дом является жилищем (или одновременно и мастерской) ремесленника» (стр. 205), автор затем, пользуясь весьма остроумными соображениями, почерпнутыми из анализа техники производства каждого ремесла, опровергает гипотезу А. А. Мансурова о том, что одни и те же ремесленники занимались одновременно разными ремеслами (например, гончарством и металлургией). Приводимые Б. А. Рыбаковым перечни материалов и инструментов, употреблявшихся ремесленниками таких узко специализированных профессий, как седельник, тульник, лучник, щитник, убедительно доказывают, что нахождение в одном жилище комплекса различных на первый взгляд инструментов отнюдь не подтверждает гипотезы Мансурова о слабой дифференциации ремесла, но, напротив, при достаточно внимательном анализе позволяет установить чрезвычайно развитую дифференциацию ремесла и узкую специализацию ремесленников (стр. 503 и 505). И внутри одной профессии можно проследить социальную дифференциацию ремесленников. В некоторых указаниях летописи мы можем видеть упоминания подмастерьев (стр. 513), и разобранный выше пример с сосудом мастера Косты, может быть, говорит о цеховых экзаменах. Сопоставляя эти наблюдения с летописными сведениями о борьбе ремесленников за участие в городском управлении, в которой они (в особенности в Новгороде) добивались иногда серьезных успехов, Б. А. Рыбаков делает вывод, что в рассматриваемый период «история русских ремесленных городов в своих общих чертах совпадает с историей передовых городов Запада» (стр. 515).

Феодализация Киевского государства не сказалась отрицательно на развитии ремесла. «Наоборот, культура растет, охватывая новые области и изобретая новые технические приемы...» (стр. 521). «Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом севернотатарских городов той же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема» (стр. 522).

Этому вопросу — о разрушительном действии на русскую культуру татарского нашествия — Б. А. Рыбаков уделяет самое серьезное внимание. Важность его станет нам понятна, если мы вспомним, что некоторые историки — и прежде всего историки «школы» Покровского — преуменьшали губительное влияние на Русь татарского нашествия и считали татарское иго едва ли не фактором дальнейшего прогресса русской земли. И вот, начиная вторую часть своей книги, посвященную развитию ремесла в период с середины XIII до середины XV в., Б. А. Рыбаков рядом убедительных аргументов доказывает губительность монгольского нашествия. Особенно показателен пример распространения крестов — энколпионов, сделанных в одной форме, при изготовлении которой надпись («святая богородица, помогай») по ошибке резчика была вырезана неправильно и на готовом изделии получилась обратной. Кресты эти, как доказывает автор, делались в Киеве накануне разгрома его татарами в 1240 г. Они найдены в землянке ремесленника, разрушенной при взятии Киева, и на теле киевлянина, погибшего при падении десятичной церкви в то же время. Они находили широкий сбыт в окрестностях Киева примерно на 100 км от города. И вот эти же кресты находят в районах татарских кочевий, куда было уведено множество людей из завоеванных татарами областей. «По целому ряду производств, — пишет Б. А. Рыбаков, — мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубение и опрошение ремесленной промышленности во второй половине XIII в.» (стр. 534). И те же кресты с обратной надписью отражают этот упадок ремесла. Б. А. Рыбаков сумел выявить экземпляры крестов, сделанных после татарского разгрома в формах, полученных путем оттиска в глине этих более древних энколпионов (стр. 615), т. е. изделия более грубые.

Вторая часть книги значительно беднее по материалу, чем первая. Это объясняется прежде всего тем, что археологически период XIII—XV в. гораздо хуже изучен, чем предыдущий (и это — вина наших археологов). Но зато письменные источники, которых для этого периода несколько больше, позволяют автору иногда компенсировать отсутствие археологических материалов. Б. А. Рыбаков остроумно привлекает и письменные источники, относящиеся к более поздним периодам, — писцовые и лавочные книги (стр. 558—582, 836 и др.), акты (например, псковскую судную грамоту) (стр. 705), духовные и договорные грамоты (стр. 584), наконец, дипломатическую переписку (стр. 599, 660). И здесь он рассматривает отдельно сельское, вотчинное и городское ремесло. Как и в первой части, анализу ремесла сопутствует ряд ценнейших исторических выводов, например, вывод о росте имущественного и правового положения городских ремесленников, которым разорившиеся удельные князья после смерти нередко оставались должны крупные суммы (стр. 591). Русские города

оправляются постепенно от татарского нашествия, и вот, в конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей, который, конечно, мог получать лучшие доспехи, изготовленные прославленными в то время мастерами Дамаска, Стамбула, Багдада или Милана, каждый год просит московского великого князя Ивана III о присылке оружия и доспехов русской работы, очевидно ценя их выше сирийских, турецких и итальянских (стр. 599).

Еще в середине XV в., задолго до приезда на Русь Аристотеля Фиоравонти, в Твери славился мастер-пушечник Микула Кречетников (стр. 603) и множество мастеров, отливавших колокола.

Разбирая развитие техники различных ремесел в городах Руси XIV—XV вв., Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что «не пассивная подверженность всяческим влияниям, а творческое восприятие опыта соседей, включение, по мере возможности, в общую культурную жизнь, стремление возродить разрушенное татарами — вот что характерно для русских городов XIV в.» (стр. 699).

Совершенно исключительный интерес представляет последняя, X глава книги, трагующая об организации городских ремесленников. До настоящего времени эта проблема, весьма важная для истории русского города не может считаться разрешенной. Цеховая организация, так хорошо прослеженная историками в западноевропейских городах, и в меньшей степени в городах Востока, на Руси, как будто бы не оставила никаких следов. Это давало повод многим историкам, в числе которых были и такие серьезные исследователи, как А. И. Никитский и Н. А. Рожков, отрицать существование цехов в русских городах. Противники этой точки зрения (например, М. В. Довнар-Запольский) могли противопоставить ей только общие соображения или сведения, относящиеся к сравнительно поздним периодам. Только в недавнее время М. Н. Тихомиров, опираясь на указания Маркса и Энгельса о характерной для всякого средневекового города корпоративной собственности, вызывавшей феодальную организацию ремесла в цехи, пересмотрел письменные источники и пришел к выводу, что древнерусские ряды и сотни представляли собой объединения ремесленников того же типа, который отмечен и в западноевропейских городах⁴.

Б. А. Рыбаков стоит на той же точке зрения и аргументирует ее свежим материалом археологических, письменных и этнографических источников. Указав на то, что и в западноевропейских городах не на всех стадиях их развития цеховая организация ремесленников была одинаково ярко выражена (стр. 737), он собирает отрывочные сведения о культуре Кузьмы и Демьяна, связанного с кузнецами, о пирах-братчинах во Пскове, получивших отражение в псковской судной грамоте, об изготовлении урочных вещей в Новгороде, об экзаменах на звание мастера, практиковавшихся в Астрахани еще в XVII в., об участии ремесленников, и в частности кузьмодемьянского братства кузнецов, в борьбе за власть в Новгороде и приходит к выводу, что «улицы», «ряды», «сотни», «общины» и «братчины» были формами корпоративных организаций XIV—XV вв.» (стр. 781). «...Русское ремесло подчинялось общим историческим законам, обязательным для Запада и для Востока, но в то же время оно шло своим самостоятельным путем, создавая ценности, носящие зримый отпечаток творчества русского народа» (стр. 783).

Заканчивая обзор книги Б. А. Рыбакова, нужно отметить, что, как и всякое крупное исследование по кардинально важному и малоизученному вопросу, она не свободна от некоторых спорных положений, композиционных и литературных недостатков. Не со всеми положениями автора можно безоговорочно согласиться. Есть вопросы, которые заслуживают более подробного освещения.

Так, если хронологический рубеж между I и II частями исследования — татарское нашествие — не вызывает, с нашей точки зрения, никаких сомнений, так как автору удалось чрезвычайно убедительно доказать значение этого события в истории русского ремесла, то ограничение всей книги 1462 годом — годом вступления на престол Ивана III — представляется несколько искусственным. Автор, очевидно, и сам это чувствует, так как неоднократно привлекает для доказательства своих положений материалы, относящиеся к самому концу XV столетия (например, упоминают выше переписку Ивана III с Менгли Гиреем, писцовые книги и т. п.). Нам представляется, что, может быть, было бы правильнее включить в рамки исследования весь XV век, так как тогда книга охватывала бы весь период до ликвидации феодальной раздробленности. Объединение русских земель — рубеж, гораздо более понятный, чем дата вступления на престол.

Нельзя согласиться с мнением автора о том, что в X—XI вв. на Руси был выработан особый тип меча — с опущенными книзу концами перекрестья и поднятыми нижними концами наверх, приспособленный для рубки с коня (стр. 225). Этот тип меча, определяемый Б. А. Рыбаковым как специфически русский, на самом деле распространен в это время и в других странах Европы. С нашей точки зрения, он представляет собой один из вариантов мечей так называемого «каролинского» типа; такие мечи производились, очевидно, и русскими и иноземными мастерами, и не представляли характерной особенности только русского производства. Нам уже случалось разбирать способ употребления в бою «каролинских» мечей, широко распро-

⁴ М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1946, стр. 162—163.

страшенных в ту эпоху на Руси и в Западной Европе⁵. «Каролингский» меч с тупым концом клинка был вообще приспособлен для рубки. Колоть им было нельзя. Поэтому он был для пешего боя неудобен и применялся, независимо от формы рукоятки, для рубки с коня.

На стр. 525—538 и 695 Б. А. Рыбаков касается вопроса об упадке ремесла в Новгороде Великом в связи с татарским нашествием. Этот вопрос заслуживает более подробного освещения. Ведь Новгород не подвергся непосредственному разорению татарами. О массовом уходе новгородских ремесленников в татарский полон у нас также нет сведений. Стало быть, задержка развития культуры в Новгороде должна быть объяснена какими-то более глубокими причинами, может быть, — сужением после татарского погрома рынка сбыта продукции новгородских ремесленников в результате общего обнищания населения Руси. На стр. 190 Б. А. Рыбаков утверждает, что нельзя говорить о производстве шерстяных пряслиц в самом Киеве. Между тем, Е. Н. Мельник говорит о наличии в Киеве на Фроловской горе мастерской пряслиц, подобной овручским, но гораздо больших размеров⁶. Если сообщаемые Мельником сведения неверны, это обстоятельство следовало бы особо отметить.

На стр. 106 автор разбирает происхождение семилепестных и семилучевых височных колец. Здесь следовало бы учесть гипотезу П. Н. Третьякова, считающего предшественником этих колец височные украшения из длинных курганов в виде дужки с пластижкой внизу и трапецевидными привесками⁷. С точки зрения структуры книги вызывает некоторое недоумение расположение разделов главы III. Здесь в разделы, трактующие об обработке металла и ювелирном деле (чернь, позолота, инкрустация, волочение проволоки, филигрань и зернь), вклинивается большой раздел — «Гончарное дело», затем идет опять отрасль ювелирного дела — «Эмаль», а потом — производство стекла. Было бы целесообразнее поменять местами разделы «Эмаль» и «Гончарное дело». Глава от этого еще выиграла бы в стройности.

Из мелких неточностей выражений укажу, что вряд ли можно называть квадратным кирпич размером 19 × 27 см (стр. 357).

Книга издана хорошо; иллюстрации достаточно ясны. Однако было бы желательно, чтобы столь важная археологическая работа была еще богаче иллюстрирована. Ведь 144 иллюстрации на 783 страницы текста — совсем не так много. При таком значительном объеме книги следовало бы снабдить ее указателями — именным, предметным и географическим. Несмотря на хорошее качество набора, в тексте имеется несколько досадных опечаток, перечислять которые здесь не место.

Можно было бы указать еще некоторые мелкие упущения автора и издательства, но уже из приведенного выше видно, что наши замечания носят частный характер. Недостатки книги незначительны и вызваны в подавляющем большинстве неизбежными трудностями издания большого обобщающего труда, а достоинства ее огромны. Книга Б. А. Рыбакова вполне заслуженно вошла в золотой фонд произведений советских ученых, отмеченных высшей наградой нашей страны — присуждением премии имени товарища Сталина. Долг советских ученых — историков, этнографов, археологов — продолжать работу над проблемами истории ремесла, углубляя разработку отдельных вопросов, которые по состоянию источников оказались хуже освещенными Б. А. Рыбаковым, и расширяя хронологические рамки изучения ремесла. Особенно важно изучение развития русского ремесла в XV—XVII вв., когда экономическое развитие молодого русского государства пошло вперед поистине семимильными шагами.

М. Г. Рабинович

Л. Данилевич, *Музыка на фронтах Великой Отечественной войны*, Музгиз, М.—Л., 1948.

Великая Отечественная война мобилизовала все моральные и духовные силы советского народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В этой борьбе широко было использовано советское искусство. Рецензируемая книга посвящена определению роли и места музыкального искусства в минувшей войне. Задача книги, по определению самого автора, состоит в том, чтобы показать формы музыкально-агитационной работы на фронте, условия, ей сопутствующие, и ее результаты. Автор не претендует на исчерпывающее освещение темы — музыка на фронтах Великой Отечественной войны, справедливо полагая, что полное раскрытие ее под силу только коллективу исследователей.

Работа Л. Данилевича представляет большой интерес не только для музыковедов, но также и для этнографов и фольклористов: последние найдут в ней весьма ценные сведения о развитии и бытовании музыкального фольклора на фронте, о роли и значении его в жизни советских бойцов. Ценность данной книги повышается тем,

⁵ М. Г. Рабинович, Вооружение новгородского войска, «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. III, вып. 6, М., 1946, стр. 555—556, рис. 2.

⁶ Е. Мельник, Отдел первобытных древностей. Каталог выставки XI археологич. съезда, Киев, 1898.

⁷ П. Н. Третьяков, Северные восточно-славянские племена, Материалы по истории и археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.